

ЮКИО
МИСИМА

*Моряк, которого
разлюбило море*

АЗБУКА-КЛАССИКА

Азбука-классика

Юкио Мисима

Моряк, которого разлюбило море

«Азбука-Аттикус»

1963

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44

Мисима Ю.

Моряк, которого разлюбило море / Ю. Мисима — «Азбука-Аттикус», 1963 — (Азбука-классика)

ISBN 978-5-389-13220-7

Юкио Мисима – самый знаменитый и читаемый в мире японский писатель. Прославился он в равной степени как своими произведениями во всех мыслимых жанрах (романы, пьесы, рассказы, эссе), так и экстравагантным стилем жизни и смерти (харакири после неудачной попытки монархического переворота). «Моряк, которого разлюбило море», возможно, самый страстный роман Мисимы. В центре сюжета судьбы трех людей: мужчины, женщины, подростка. Их чувства, сплетенные в единый клубок, который невозможно распутать, стремительные события и внезапный, невообразимый финал... Роман безусловно придется по душе всем поклонникам великого японского мастера.

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-389-13220-7

© Мисима Ю., 1963
© Азбука-Аттикус, 1963

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Юкио Мисима

Моряк, которого разлюбило море

Yukio Mishima

GOGO NO EIKO

Copyright © The Heirs of Yukio Mishima, 1963

All rights reserved

© Ю. Чинарева, перевод, 2011

© В. Еклерис, иллюстрация на обложке, 2017

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

* * *

Часть 1

Лето

Глава 1

Пожелав сыну спокойной ночи, мать заперла Нобору в спальне. А если в доме случится пожар? Мать, конечно же, клянется, что первым делом бросится отпирать его дверь. Интересно, что она скажет, если дверь перекосит от жара, или замочную скважину забьет гарью, или заклинит замок? Тогда ему придется прыгать в окно... Но ведь под окном его спальни – бетонная площадка, а второй этаж дома безнадежно высок.

Поделом ему. Запирать Нобору стали после того, как однажды ночью он сбежал, поддавшись на уговоры Главая. Сколько его потом ни мучили расспросами, имени приятеля он так и не выдал.

За время оккупации их дом на холме Ятодзакэ – Йокогама, район Нака-ку, квартал Яматэ-тё, – выстроенный покойным отцом, был реквизирован для постоя офицеров чужой армии, его перестроили и установили туалеты даже в спальнях второго этажа. В общем-то, нынешнее заточение не причиняло Нобору неудобств, но для тринадцатилетнего подростка выглядело довольно унижительным.

Однажды утром – он тогда был в доме один – Нобору с досады тщательно обследовал свою комнату.

Граничащая с материнской спальней стена представляла собой огромный встроенный комод. Когда, вымещая обиду, он вытащил из него все ящики и расшвырял по полу одежду, обнаружилось, что одна из ниш пропускает в комнату свет.

Сунув в нее голову, он стал искать источник света. Им оказалось яркое летнее солнце, отраженное от моря и заполнившее пустую соседнюю комнату.

Если как следует изогнуться, можно устроиться в нише. Даже взрослый, хорошенько скрючившись, мог втиснуться сюда по пояс.

Сквозь щель родительская спальня показалась Нобору совершенно незнакомой.

Слева у стены блестит латунью двуспальная кровать в новоорлеанском стиле, выписанная отцом из Америки, да так и оставшаяся после его смерти. Кровать аккуратно застелена белым ворсистым покрывалом с большой буквой «К»: фамилия у Нобору – Курода. На покрывале валяется темно-синяя соломенная шляпа с длинной бирюзовой лентой. Голубой вентилятор на ночном столике. Справа у окна овальный трельяж – из небрежно прикрытых створок льдинкой торчит острый угол зеркала. На трельяже полно бутылочек с одеколоном, пульверизаторов для духов, а еще лиловая бутылка с лосьоном и сверкающая гранями шкатулка с пуховкой, из божьего стекла... Рядом, словно сухая ветка криптомерии, свернулись темно-коричневые кружевные перчатки.

У стены напротив трельяжа диван, торшер, два стула, изящный столик. К спинке дивана льнут пальцы с незаконченным вышиванием. Теперь это немодно, но мать любит всякое рукоделие. Узора отсюда почти не разглядеть, видно только вышитое наполовину крыло птицы, кажется разноцветного попугая, на серебристо-сером фоне. Тут же валяется чулок. Тонкий бежевый чулок, обвивающий дамакский плетёный диван, наполняет атмосферу в комнате странной тревогой. Видимо, перед выходом мать заметила на чулке стрелку и наспех переделала.

В окне только яркое небо и облако, отражающее море и из-за этого кажущееся тугим и глянцевым, будто покрытым эмалью.

Помещение, которое разглядывал сейчас Нобору, ничем не походило на привычную материну спальню. Казалось, он подглядывает в комнату отлучившейся незнакомки. Каждый уголок здесь дышал безупречной женственностью. В воздухе витал отзвук печального аромата.

Внезапно Нобору посетила странная мысль.

А каким образом возникла эта щель? Сама по себе, или же в доме, где еще недавно стояли на постое оккупанты...

Нобору вдруг представил, как в пыльной нише, где сейчас скорчился он сам, устраивался, скрючившись, какой-то солдат. При мысли об этом воздух в тесном пространстве резко сделался кисло-сладким и едва выносимым.

Извиваясь всем телом, Нобору задом выбрался наружу и бросился в соседнюю комнату. Никогда он не забудет того странного чувства.

Помещение, куда он ворвался, совершенно не походило на виденную им загадочную комнату – перед ним была привычная и скучная спальня, вновь превратившаяся в место, где вечерами мать, отложив вышивание и позевывая, помогала ему с домашним заданием. Где она ворчала и жаловалась и где выговаривала ему за вечно криво повязанный галстук. Где внушала ему, что хватит то и дело бегать в мамину спальню якобы взглянуть на кораблики – он ведь уже не ребенок. Где сверяла принесенную из магазина бухгалтерскую ведомость или, подперев щеку, подолгу сидела над таможенными декларациями.

Нобору исследовал щель с этой стороны.

Сразу и не найдешь.

Если хорошенько приглядеться, то там, где по верху деревянной облицовочной панели бежит бордюр со старинной тонкой резьбой, в одном из фрагментов резьбы, среди набегающих друг на друга волн, ловко прячется щель.

Так же стремительно вернувшись в свою комнату, он свернул и сунул на место разбросанную одежду, аккуратно задвинул ящики и мысленно поклялся не делать в дальнейшем ничего такого, что могло бы привлечь к комоду внимание взрослых.

С тех пор как Нобору обнаружил щель, он – как правило, в те вечера, когда мать особенно к нему придиралась, – едва за ней поворачивался ключ, беззвучно выдвигал ящик и подолгу глядел, как она собирается ко сну. В те вечера, когда она бывала с ним добра, он никогда не подглядывал.

Нобору узнал, что перед сном мать всегда раздевается догола, даже если в доме не очень жарко. Большое зеркало находилось в скрытом от его глаз углу комнаты, и, если голая мать подходила к зеркалу слишком близко, подглядывать за ней становилось трудно.

Тело тридцатитрехлетней женщины, регулярно посещавшей теннисный клуб, было все еще стройным и красивым. Обычно перед сном она с головы до ног натиралась духами, а иногда усаживалась на пол перед зеркалом и, уставившись в него рассеянным взглядом, сидела неподвижно, распространяя вокруг аромат духов, такой сильный, что слышно было даже Нобору. В такие моменты Нобору холодел, принимая за кровь алый лак ее ногтей.

Впервые в жизни он так внимательно рассматривал женское тело.

Плечи спускались плавной береговой излучиной, шее и руки покрывал легкий загар, а от основания груди начинались словно светящиеся изнутри белые плодородные поля теплой плоти. Мягкий скос, достигая груди, резко вздымался. Если помять его руками, пурпурные соски поднимались навстречу друг другу. Чуть заметно дышащий живот. Растяжки. О них Нобору вычитал в пыльном красном томе, стоящем на высокой – не дотянуться – полке в отцовской библиотеке.

А потом Нобору увидел и те черные земли. Ему никак не удавалось их рассмотреть, даже глаза разболелись от напряжения... Он припомнил множество скабрзных слов, но и с помощью слов ему никак не удавалось проникнуть воображением в темные заросли.

Наверно, его приятели правы, и там ничего нет. Просто – дыра в теле. Ничего, кроме пустоты. Интересно, она как-нибудь связана с пустотой его собственного мира?

В свои тринадцать Нобору был уверен, что умен и талантлив (как верили в это и все его приятели); что мир – это набор простых правил; что с самого рождения смерть прорастает в нас корнями, и нам ничего не остается, кроме как холить ее и лелеять; что размножение недостойно внимания, а значит, недостойно его и общество, окутавшее обычную функцию организма ореолом тайны; и наконец, что отцы и учителя совершают громадное преступление уже тем, что являются отцами и учителями. И значит, смерть отца – Нобору тогда было восемь лет – была событием скорее радостным, чем печальным.

Лунной ночью обнаженная мать, погасив ночник, стояла перед зеркалом! Ощущение пустоты в ту ночь лишило Нобору сна. В мягком лунном свете мир предстал в своей истине – в своей пустоте¹.

«Если бы только я был амебой... – думал он, – мельчайший организм наверняка в состоянии одолеть окружающий морок. А человеческий – ни то ни се, ничего одолеть не может».

По ночам в открытое окно залетал пароходный гудок. В те вечера, когда мать бывала с ним ласкова, Нобору мог спать, не подглядывая. И тогда он видел сны.

Нобору гордился своим твердым характером и даже во сне не плакал. Сердце у него было твердое, как большой железный якорь, который в любую минуту готов хладнокровно погрузиться на самое дно, в портовую грязь, залежи битых бутылок, резины и старых башмаков, красных беззубых гребенок и железных пивных крышек... Он мечтал, что однажды вытатуирует якорь на своем сердце.

Как-то в конце летних каникул настала ночь, когда мать была с ним особенно строга.

Настала внезапно, без предчувствий.

Матери с вечера не было дома. Она сказала, что в знак благодарности пригласит на ужин Цукадзакки – второго помощника, который вчера любезно показал Нобору судно. Перед выходом мать, в черном кружевном платье, надетом на карминно-красную комбинацию и повязанном белым шифоновым поясом, выглядела особенно прекрасной.

Около десяти вечера она вернулась вместе с Цукадзакки. Нобору встретил их и слушал в гостиной морские рассказы подвыпившего второго помощника. В пол-одиннадцатого мать отправила Нобору спать. Проводила до двери и заперла на ключ.

Ночь выдалась нестерпимо душной. В нише комода воздух был спертый, и Нобору терпеливо выжидал возле комода, в любую секунду готовый прильнуть к щели. Было далеко за полночь, когда на лестнице раздались долгожданные шаги. Ручка его двери зловеще повернулась в темноте, – похоже, кто-то желал убедиться, что дверь заперта. Раньше такого не случалось. Наконец стукнула дверь спальни. Взмокший, Нобору втиснулся в нишу.

В одной из стеклянных створок распахнутого окна отражался свет переместившейся к югу луны. Второй помощник расстегивал на груди рубашку, прислонясь к подоконнику. Нобору видел спину приблизившейся к нему матери, они слились в долгом поцелуе.

Наконец мать, тронув пуговицы на его рубашке и что-то хрипло пробормотав, зажала тусклый торшер и попятилась в сторону Нобору. Она разделась перед дверцей гардероба, в невидимом его глазу углу комнаты. Грозной змеей прошипел развязываемый пояс, прошур-

---

¹ Автор, вероятно, намекает на «Сутру Сердца Праджня-Парамиты» – «Праджня-парамита-хридая-сутра» (яп. «Ханна харамитта сингё») о пустотности всех элементов бытия и веры в возможность непосредственного постижения бодхисатвой истинной реальности «пустоты» как она есть.

шало, падая, платье. Неожиданно из щели потянуло ее любимыми духами. Нобору не предполагал, что этот аромат может быть таким резким и сильным.

Второй помощник, стоя у окна, внимательно смотрел в его сторону. Глаза блестели на смуглом лице в свете торшера.

Соизмерив торшер с собственным ростом, Нобору прикинул рост второго помощника. Явно ниже ста семидесяти. Сто шестьдесят пять, может, чуть выше. Не самый крупный мужчина.

Медленно расстегнув пуговицы, Цукадзаки небрежно скинул рубашку.

Почти ровесник матери, он выглядел гораздо моложе и крепче сухопутных мужчин, будто отлитый по судовой матрице. Широкие плечи, квадратные, словно крыша буддийского храма, рельефная волосатая грудь, мускулы, похожие на мотки сизальского троса, – казалось, тело его одето в доспехи из мышц, которые он с легкостью скинет в любую секунду. Наконец Нобору изумленно увидел прорастающую сквозь густые заросли волос внизу живота, гордо вздымающуюся глянцевую пагоду.

На мощной грудной клетке, подсвеченной тусклым лунным сиянием, четко угадывалось дыхание волосков, рассеивающих причудливые тени. Опасно поблескивающие глаза неотрывно следили за женщиной. Отраженный уличный свет за спиной ровным золотым окаемом ложился на квадратные плечи, на массивной шее вздувались вены.

Мать раздевалась долго. Или, может, она специально тянула время.

Внезапно во всю ширь распахнутого окна прозвучал пароходный гудок и заполнил сумрачную комнату. То был крик самого моря, исполненный огромной, не знающей меры, темной навязчивой тоски, до краев загруженный всей страстью черного и гладкого, как китовая спина, океанского течения, памятью сотен тысяч морских походов, восторгов и побед. Пароходный гудок вторгся в стены дома, полный ночного безумия, густой, как черный нектар морских пучин.

Второй помощник резко обернулся и вгляделся в море...

В этот миг Нобору почувствовал, как ему открылось нечто, с самого рождения скрытое в его душе и теперь позволившее ему стать свидетелем свершающегося чуда.

До пароходного гудка он не мог сложить вместе детали неясной картины. Все было готово – словно баночки с цветной краской ожидали своей очереди, – не хватало лишь кисти, которая вмиг позволит изображению проявиться на холсте.

Подобно взмаху кисти, пароходный гудок придал картине завершенность!

Все и правда было готово – луна, теплый соленый ветер, запах пота, аромат духов, обнаженные тела мужчины и женщины, след на воде от корабля, след в памяти от чужеземных портов, удушливая узкая щель, твердое мальчишеское сердце...

Но пока это были отдельные элементы «карута»², не несущие особого смысла. Благодаря пароходному гудку карты вмиг уловили космические связи, наметив неотвратимый круг, в котором соединились он и мать, мать и мужчина, мужчина и море, море и он.

Нобору едва не лишился чувств от духоты и блаженства. Только что на его глазах переплелись тонкие нити, создав священный образ. Их нельзя рвать. Возможно, их создал он сам, тринадцатилетний мальчишка.

«Их нельзя рвать. Если они порвутся, миру конец. Я пойду на все, лишь бы этого не случилось», – думал Нобору, засыпая.

---

² *Карута* – название карт в одноименной японской игре, где игроки должны правильно соединить друг с другом карты с написанными на них частями стихов.

Глава 2

Рюдзи Цукадзаки удивился, проснувшись на незнакомой кровати с латунной спинкой. Соседняя половина кровати пустовала. Постепенно он вспомнил, как, засыпая, женщина говорила, что утром ей надо рано будить ребенка. Тот едет в гости к другу в Камакуру. Обещала, что проводит сына и сразу вернется домой, а до этого момента просила его вести себя тихо.

Он нащупал часы на ночном столике, повернулся к проникавшему сквозь неплотно прикрытые жалюзи свету, чтобы узнать время. Десять минут девятого. Нобору явно еще не уехал.

Он спал около четырех часов. По чистой случайности лег в то же время, что и обычно после ночной вахты.

Несмотря на короткий сон, взгляд его был бодр, в теле гибкой пружиной выгибалось наслаждение прошлой ночи. Потянувшись и скрестив перед собой руки, он с удовольствием рассматривал жесткие волосы на руках, позолоченные пробивающимися сквозь шторы лучами.

Даже в этот ранний час было невыносимо жарко. Штора без малейшего движения повисла на распахнутом окне. Рюдзи потянулся и кончиком пальца нажал кнопку вентилятора на ночном столике.

– Второй помощник, до вахты пятнадцать минут. – Во сне он явственно слышал зов рулевого.

День за днем с полудня до четырех дня и с двенадцати ночи до четырех утра второй помощник стоял на вахте. Море и звезды – вот и все, что он видел в эти часы.

На сухогрузе «Лоян» Рюдзи считали странным и нелюдимым парнем. Он не любил болтовню – единственную отраду моряка, на морском языке это называлось «травить байки». Разговоры о женщинах и прочее бахвальство... Терпеть не мог житейский треп, призванный согреть их одиночество в море.

Обычно в моряки идут от любви к странствиям, но Рюдзи привела на флот скорее ненависть к суше. Его первая навигация после мореходки совпала с отменой оккупационного запрета на заграничные рейсы, и первые послевоенные суда отправились в Тайвань и Гонконг, Индию и Пакистан.

Тропические пейзажи наполняли сердце радостью. Стоило судну пристать к берегу, как малолетние аборигены тащили связки бананов, папай, ананасов, приносили ярких птичек и обезьянок, чтобы обменять на нейлоновые носки и часы. Он любил отражающиеся в грязной речке кариоты³. Может, его прошлая жизнь прошла среди пальм, потому его к ним и тянет?

Между тем по прошествии нескольких лет чужеземные пейзажи совершенно перестали волновать его сердце.

У него сформировался странный характер человека, не принадлежащего по-настоящему ни суше, ни морю. Возможно, моряку как раз и стоит постоянно находиться на берегу. Ведь вдали от него, в долгом плавании, хочешь ты того или нет, суша начинает являться во сне. Есть некая странность в том, чтобы грезить сушей, особенно если ты не питаешь к ней теплых чувств.

Рюдзи ненавидел берег, его неизменный облик. Судно тоже было тюрьмой, но иного рода.

Двадцатилетний, он пылко рассуждал: «Слава! Слава! Слава! Лишь для нее я явился на свет», – при этом совершенно не представляя, какого рода славы он жаждет. Просто верил, что где-то посреди мировой тьмы есть единственный луч, лишь для него предназначенный и его одного готовый освещать.

---

³ *Кариота* – род растений семейства пальм.

Чем больше он размышлял, тем явственнее понимал, что для собственной славы необходимо перевернуть мир. Мировой переворот или слава – третьего не дано. Он жаждал бури. Между тем судовая жизнь научила его только упорядоченности законов природы и остойчивости качающегося мира.

Следуя морской традиции крест-накрест зачеркивать дни на каютном календаре, он день за днем подвергал ревизии свои желания и мечты, вычеркивая их одно за другим.

И только во время ночных вахт, вдали, за темными волнами, среди просторов гладкой, наполненной мраком воды, Рюдзи до сих пор иногда чудилась его слава – она надвигалась украдкой и сверкала, словно светлячки в темноте, с единственной целью высветить его бравый силуэт в мире людей.

В такие моменты, стоя в белой рулевой рубке в окружении штурвала, радара, переговорной трубы, магнитного компаса и свисающей с потолка золотистой рынды, он чувствовал уверенность: «У меня, должно быть, своя, особенная судьба. Блистательная, неповторимая, недосягаемая обычным парням».

Еще Рюдзи нравились модные шлягеры, он брал в море записи новых мелодий и за время рейса выучивал наизусть, мурлыча под нос в перерывах между вахтами и мгновенно замолкая при чем-либо приближении. Он любил матросские песни (которые так презирают гордые моряки), особенно ему нравилась «Не брошу я долю морскую»:

Гудок прозвучал, обрублен канат,
С причалом прощается судно,
И, глядя, как родина тает вдали,
Бывалый моряк украдкой смахнет слезу.

После окончания дневной вахты и до самого ужина Рюдзи в одиночку запирался в пронизанной закатными лучами каюте и раз за разом потихоньку крутил эту запись. Потихоньку, потому что не хотел, чтобы другие офицеры, заслышав музыку у него в каюте, зашли травить свои морские байки. Все это знали и не ходили к нему.

Случалось, слушая эту песню или напевая ее, Рюдзи пускал слезу. Странно, что слова про тающую вдали родину вызвали у него такую сентиментальную реакцию, – у него ведь и родни-то никакой не было, но слезы все текли и текли из какого-то неподконтрольного ему уголка души, даже сейчас, несмотря на прожитые годы, заброшенного им, дальнего, темного, слабого.

Забавно, что слезы никогда не наворачивались у него при виде реально удаляющегося берега. Он презрительно наблюдал за тем, как медленно отступают причал, верфь, грузовые стрелы, крыши складов. За десятки лет обжигающее чувство утраты при команде «Поднять якорь!» притупилось. Единственными его приобретениями стали загар и острое зрение.

Он стоял вахту, засыпал, просыпался, стоял вахту и снова засыпал. Из-за стремления как можно больше времени проводить в одиночестве, в душе его копились чувства, а на банковском счете – деньги. Чем успешнее он определял координаты по звездам, овладевал искусством укладывания канатов и повседневными палубными работами, учился в шуме ночного моря на слух улавливать биение волн, привыкал к блестящим тропическим тучам и разноцветному коралловому морю, тем больше нулей становилось на его счете, пока наконец они не сложились в немыслимую для второго помощника сумму в два миллиона иен.

Когда-то и Рюдзи знал радость транжирства. Девственность он потерял во время первого рейса в Гонконге – старший товарищ привел его к женщине-танка...⁴

---

⁴ *Танка* (или даньцзя) – народность в Гонконге, живущая на пришвартованных в гавани джонках и сампанах.

Вентилятор гонял сигаретный дым над латунной кроватью. Рюдзи медленно сузил зрачки, словно прикидывал на весах разницу между недавним ночным блаженством и тем жалким первым наслаждением.

В памяти возник темный причал Гонконга, мутная тяжесть лижущей пристань воды, тусклый свет множества сампанов⁵.

Окна гонконгских кварталов и написанные на китайском языке неоновые вывески «Кока-кола» светились вдали за бесчисленными мачтами суденышек танка и свернутыми парусами из циновки, тесня скудный свет и раскрашивая черную воду в цвета далекого неона.

Сампан немолодой женщины, в который сели Рюдзи с товарищем, скользил по тесной акватории, беззвучно подгоняемый веслами. Наконец они оказались в средоточии мерцающих на воде огней, в глаза бросилась ярко освещенная полоса женских каморок.

Пришвартованные борт к борту лодки с трех сторон обрамляли внутренний водный дворик. На повернутых к ним кормах сампанов торчали красные и зеленые бумажные флаги, дымились благовония. Под полусферой навеса натянута цветастая материя. За ней – обязательный обитый той же тканью подиум с прислоненным к нему зеркалом, в глубине которого зыбко дрожит отражение их сампана.

Женские лица выражали нарочитую невинность, одни женщины зябли от холода и едва приподнимали с матрасов головы с гладкими, как у кукол, шеями, другие, до колен укутавшись в одеяла, раскладывали пасьянсы. В тонких желтых пальцах мелькали красные рубашки карт.

– Какую выбираешь? Тут все молодые, – обратился к нему товарищ.

Рюдзи молчал.

Он испытал странную усталость и растерянность при мысли о том, что женщина, выбранная им впервые в жизни, дрейфует в стоячей гонконгской воде в отражении тусклых огней и что ради этого мгновения он прошел по морю 1600 миль. Между тем женщины и впрямь были сплошь молодые и хорошенькие. Он выбрал прежде, чем товарищ успел сделать это за него.

Когда он пересаживался на одну из лодок, щетина на его подбородке встопорщилась от холода, а молчавшая до этого проститутка счастливо засмеялась. Рюдзи почувствовал, что привез с собой счастье. Женщина задернула цветастую штору, загородив вход.

Все происходило безмолвно. Он слегка дрогнул от тщеславия, как при первом подъеме на мачту... Нижняя половина женского тела вяло двигалась в одеяле, словно полусонный зверек в спячке, а Рюдзи на верхушке ночной мачты чувствовал опасно дрожащие звезды. Звезды оказывались то с юга от мачты, то с севера. Иногда даже с востока. Наконец ему показалось, что мачта вот-вот упрется в звездное небо... Едва Рюдзи отчетливо подумал, что вот – он теперь наконец-то узнал женщину, как все уже закончилось.

В дверь постучали, и Фусако Курода внесла поднос с обильным завтраком.

– Прости, задержалась. Нобору только что уехал.

Фусако поставила поднос на изящный столик у окна и до конца отдернула штору.

– Ни облачка. Наверное, сегодня опять будет жара.

Все вокруг, даже тень от подоконника, плавилось словно битум. Рюдзи Цукадзаки уселся в кровати, обернув поясницу мягкой простыней. Фусако была уже тщательно одета, и ее руки, теперь обнаженные не для объятий, плавными движениями разливающие утренний кофе, производили странное впечатление. Это были совсем другие, не ночные руки.

Рюдзи притянул Фусако к себе и поцеловал. Тонкая кожа век в подробностях выдавала каждое движение ее глаз, и даже под закрытыми веками Рюдзи видел, что этим утром она пребывает в спокойном настроении.

– Во сколько тебе в магазин?

---

⁵ Сампан – дощатая плоскодонная лодка.

– В одиннадцать надо быть там. А ты?

– Думаю ненадолго показаться на судне.

Они демонстрировали друг другу легкое смущение от их нового, сложившегося за один вечер статуса – единственное правило приличий, соблюдаемое ими сейчас.

На ее ясном лице отражалось множество эмоций. Воскрешение. И полное забвение. И беспрестанная попытка доказать себе, что случившееся ни в коем случае не «ошибка».

– Поешь здесь? – Фусако двинулась к дивану.

Рюдзи вскочил, в беспорядке натянул на себя что попало под руку. Фусако смотрела из окна на порт.

– Вот бы отсюда видно было твой корабль!

– Он на дальнем причале, за городом.

Обняв женщину сзади, он обвел взглядом портовый пейзаж.

Внизу простирались красные складские крыши, на северном причале у подножия гор шло строительство современных складов, напоминающих железобетонные коробки. Канал был усеян лихтеровозами и паромами для переправы, за складскими корпусами тянулся склад лесоматериалов. Бревна отсюда казались не больше карандашей.

На громадной наковальне порта тонким металлическим листом сиял утренний летний свет.

Сквозь голубую хлопковую ткань Рюдзи нащупал ее грудь. Женщина чуть откинулась назад, легонько щекоча волосами кончик его носа. Он снова подумал об этом чувстве: из дальней дали, с другого конца света, наконец добираешься до тепла на кончиках пальцев.

Комната наполнилась ароматом кофе и апельсинового джема.

– Кажется, Нобору что-то почувствовал. Но ты вроде бы нравишься мальчику, так что ничего страшного... И все-таки, как он мог узнать?! Невероятно, – промолвила Фусако с преувеличенным безразличием в голосе.

Глава 3

После смерти мужа Фусако взяла на себя управление магазином импортных товаров «Рекс», известным всему Мотомати⁶ благодаря многолетней репутации. Небольшое и уютное двухэтажное здание в европейском стиле сразу приковывало взгляд. Сквозь массивные белые стены прорывались стрельчатые окна, магазин смотрелся сдержанно и со вкусом. В центре выложенного испанской плиткой небольшого патио с двухэтажным пролетом бил фонтан. Рядом бронзовый Бахус – ценнейший экспонат не для продажи – запросто перекинул через локоть узкие галстуки. В магазине вообще была большая коллекция антиквариата, собранная еще мужем Фусако.

Здесь трудились пожилой управляющий и четыре продавца. Среди клиентов были иностранцы с Яматэ-тё⁷ и из Токио, а также многочисленные щеголи и киноактеры. Даже торговцы с Гиндзы наведывались сюда поохотиться. Подход «Рекса» к оценке и отбору товара за долгие годы заслужил всеобщее доверие. Среди ассортимента было много товаров для мужчин, и Фусако вместе с пожилым управляющим, изучившим когда-то вкус ее мужа, относились к закупкам самым тщательным образом.

Как только в порт заходило судно, они, заручившись протекцией агентов – фрахтовых брокеров, знавших еще ее покойного супруга, еле дожидались окончания разгрузки и спешили на таможенный склад смотреть товар. Фусако очень ценила фирменные вещи: так, например, заказывая свитера от «Джаггер», она брала полпартии очень дорогих свитеров и полпартии – подешевле, тем самым добиваясь «вилки» в цене. Итальянская кожа была представлена не только элитным товаром с Виа Деи Кондотти – у них был также заключен эксклюзивный договор с кожевенным училищем при церкви Святого Креста во Флоренции.

Сама Фусако не могла оставить сына, чтобы съездить за границу, и в прошлом году отправила в Европу старика-управляющего. В результате у них повсюду появились связи. Управляющий был из породы мужчин, для которых щегольство составляет смысл жизни. В «Рексе» продавались даже английские лосины, которых и на Гиндзе было не найти.

В обычное время Фусако отправилась в магазин. Ответила на приветствие управляющего и продавцов. Задав пару рабочих вопросов, поднялась в офис на втором этаже, просмотрела корреспонденцию. Между оконных рам тихо урчал кондиционер.

Оказавшись в привычное время за рабочим столом, Фусако успокоилась. Так и должно быть, и никак иначе. Что станет с ней в будущем, не явись она сегодня в магазин?

Она достала из сумочки дамские сигареты, закулив, бросила взгляд на настольный ежедневник. В обеденный перерыв зайдет за серьезными покупками киноактриса Ёрико Касуга – у нее сегодня натурные съемки в Йокогаме. Ёрико ездила на зарубежный кинофестиваль, но задумала провести знакомых, купив им подарки в «Рексе». Она звонила, просила подготовить двадцать мужских комплектов любых сувениров французского производства. Затем за итальянскими рубашками для гольфа заглянет вместо босса секретарь директора складов в Йокогаме. Эти были завсегдатаями, покупали, можно сказать, не глядя.

Нижний этаж патио хорошо просматривался сквозь узкие жалюзи, сейчас там стояла тишина. Поблескивали листья гевей. Похоже, посетителей не было.

Фусако боялась, как бы управляющий Сибую не заметил ее сияющих глаз. Старик смотрит на женщин, словно придирчиво вертит в руках полотно. Как если бы он был ее мужем.

---

⁶ Мотомати – квартал в районе Нака-ку, Йокогама, состоящий преимущественно из одноименной торговой улицы.

⁷ Яматэ-тё – традиционно населенный иностранцами квартал, куда многие иностранные торговцы перебрались с открытием порта Йокогама в 1859 г.

Со смерти супруга минуло пять лет, впервые сосчитала Фусако сегодня утром. Все это время она и не замечала, как бегут месяцы и годы, и только сегодня эти пять лет показались вдруг головокружительно длинными, как белый пояс от платья, бесконечно тянущийся в руках.

Фусако затушила окуроч, с такой силой вдавив его в пепельницу, словно желала прожечь дно. Мужчина все еще гнезвился в закоулках ее тела. Непередаваемое ощущение собственной кожи, отзывающейся на прикосновения ткани. Ее до сих пор не покидал запах мужского пота. В задумчивости Фусако сжимала и разжимала пальцы ног в туфлях на высоких каблуках...

С Рюдзи они познакомилась позавчера. Нобору бредил кораблями, и Фусако, уступив его нытью и вооружившись рекомендацией от высокого чина судоходной компании, своего постоянного клиента, отправилась на экскурсию по «Лояну». Сухогруз стоял на причале Е терминала Такасима. Некоторое время они со стороны любовались сияющим на солнце «Лояном», выкрашенным в зеленый и кремовый цвета. Фусако укрылась от солнца под зонтом с длинной рукоятью из белой змеиной кожи.

– Смотри, в море тоже полно судов. Все они ждут очереди у причала! – воскликнул Нобору с видом знатока.

– А у нас из-за этого сплошные проблемы, груз задерживается, – вяло отреагировала Фусако – ей делалось жарко от одного только взгляда на судно.

Швартовочные тросы между судами перекрещивались, деля на отрезки небо с летними облаками. Нос судна, бесконечно высокий, похожий на запрокинутый в экстазе подбородок, венчался зеленым флагом судоходной компании. Якорь черным железным крабом взобрался под самый клюз.

– Здорово! – шумно радовался Нобору. – Теперь я там в каждый уголок загляну.

– Не очень-то надейся – еще неизвестно, поможет ли наша рекомендация.

Оглядываясь теперь назад, Фусако понимала, что еще тогда, любуясь «Лояном» со стороны, почувствовала, будто душа пускается в пляс. «Да что же это? Что со мной такое? Как дитя». Это ощущение пришло к ней внезапно и беспричинно в самый разгар ее вялости, когда от жары лень было даже поднять глаза.

– Классное судно. – Нобору залпом вываливал свои познания на мать, ничуть не интересовавшуюся предметом.

По мере их приближения к «Лояну» судно поднималось и росло на глазах подобно гигантскому незатухающему аккорду. Нобору взобрался по серебристо поблескивающему трапу.

Фусако с рекомендательным письмом на имя капитана тщетно бродила по коридору мимо дверей офицерских кают.

В трюме шумела погрузка, а в душном коридоре стояла зловещая тишина.

В этот момент из-за двери с табличкой «Второй помощник» появился Цукадзаки в белой рубашке с коротким рукавом и форменной фуражке.

– Капитан на месте?

– Отсутствует. Что вы хотели?

Фусако подала рекомендательное письмо, а Нобору с восторгом уставился на Цукадзаки.

– Ясно. Экскурсия, значит. Я вас проведу вместо капитана. – Цукадзаки враждебно взглянул на Фусако.

Это была их первая встреча. Фусако хорошо запомнила глаза Рюдзи в тот момент. Внимательный взгляд на смуглом недовольном лице человека, у которого, что называется, накопилось в душе. Взгляд такой, как если бы Фусако была внезапно возникшим на горизонте судном. Во всяком случае, у нее возникло именно такое ощущение. Взгляд, слишком острый и строгий для того, кто находится вблизи, неестественный, если только между ними не пролегла широкая морская гладь. Вот они какие, глаза, непрерывно глядящие в море. Появление незна-

когого корабля несет тревогу и радость, требует осторожности и ожидания... Для того, на кого он направлен, взгляд этот может быть весьма неприятен, и только морским раздольем можно оправдать подобную неучтивость. Под этим взглядом Фусако ощутила легкий трепет.

Сперва Цукадзаки повел их на капитанский мостик. С ботдека они поднялись на вторую палубу, яркие лучи послеполуденного летнего солнца наискосок перерезали металлический трап. Глядя на усеянный сухогрузами горизонт, Нобору снова заявил со знающим видом:

- Послушайте, а вон те суда ожидают очереди на рейде?
- Да ты знаток, парень! Точно, иной раз приходится ждать в море по несколько дней.
- А когда причал освобождается, объявляют по рации?
- Ага. Из офиса присылают радиogramму. У них там каждый день планерка насчет причала.

Фусако, взволнованная крепкой взмокнувшей спиной Цукадзаки, кое-где просвечивающей сквозь белую рубашку, была рада, что он занят ребенком. Она почувствовала неловкость, когда, обернувшись и взглянув на нее, он спросил у Нобору с серьезным видом:

– Все-то ты знаешь, парень. Моряком хочешь стать? – Еще один серьезный взгляд в сторону Фусако.

Она так и не поняла, гордится ли своей профессией этот мужчина, казавшийся таким наивным. Фусако как раз задумалась об этом, прячась под зонтом и щурясь от солнца, когда ей показалось, что в тени его ресниц она заметила нечто неожиданное. То, чего уже давно не видела в мужских глазах.

– Лучше не стоит. На редкость дурацкая работа... Ну а это, парень, секстан. – Не дожидаясь реакции Фусако, он постучал по блестящему навигационному прибору.

В рулевой рубке Нобору непременно желал все потрогать: машинный телеграф, дистанционное управление авторулевого, экран радиолокатора, курсограф. За командами на машинном телеграфе – «стоп», «товсь», «вперед» – ему виделись встающие на пути судна различные опасности. В соседней штурманской рубке он таращился на полки с мореходными таблицами, морским астрономическим ежегодником, аэронавигационными картами, рассматривал свод правил навигации в японских портах и заливах, описание маяков, календарь приливов и отливов, лоции, разложенные карты со следами ластика. Словно кто-то забавы ради выполняет шуточную работу – произвольно чертит и стирает бесчисленные карандашные линии. Окончательно очаровали Нобору нарисованные в судовом журнале маленькие полукруглые солнца восхода и такие же, только перевернутые вверх тормашками полукружья заката, полумесяцы, обозначающие появление тонкого золотистого рожка, и полумесяцы, вывернутые наоборот, а еще плавные графики приливов и отливов.

Все это время, пока Нобору с головой погрузился в экскурсию, Цукадзаки стоял совсем близко от Фусако. От его жаркого присутствия в душной штурманской рубке сделалось трудно дышать, поэтому, когда прислоненный к столу зонт с белой рукояткой из змеиной кожи упал на пол, ей показалось, будто рухнула без чувств она сама.

Фусако тихо вскрикнула – зонт ударил ее по ноге.

Штурман тут же наклонился за зонтом. Фусако отметила, что он делает это очень-очень медленно, напоминая движениями водолаза. Наконец, подхватив зонт рукой, он медленно всплыл на поверхность со дна удушливого времени...

Управляющий Сибуйа отодвинул жалюзи и, склонив набок испещренное морщинами лицо, жеманно произнес:

- Пришла госпожа Ёрико Касуга.
- Хорошо. Уже иду.

Фусако пожалела, что, застигнутая врасплох, ответила слишком поспешно.

Подойдя к зеркалу, тщательно вгляделась в свое лицо. Мысленно она все еще была в штурманской рубке.

На Ёрико, ожидавшей в патио в сопровождении помощницы, была громадная, похожая на подсолнух шляпа.

– Пусть мама-сан посмотрит. Надо ей показать...

Фусако терпеть не могла это прозвище, больше подходящее хозяйке питейного заведения. Медленно спустившись по лестнице, она остановилась напротив Ёрико.

– Милости прошу. Сегодня снова жарко.

Ёрико пожаловалась на убийственный зной и толпу народа на причале, где шли съемки. В этой толпе Фусако моментально представила Рюдзи, и у нее испортилось настроение.

– До обеда отсняли тридцать дублей. Просто поразительно, как быстро работает Кида.

– Удачно?

– Нисколечко. По крайней мере, приз за актерское мастерство за это точно не дадут.

Последние несколько лет Ёрико бредила этим призом, и сегодняшние сувениры были «шагом» (в ее понимании) навстречу жюри. Ёрико склонна была доверять разного рода сплетням и скандалам (кроме тех, что касались лично ее) и серьезно подумывала, не отдаться ли ей поочередно всем членам комиссии, раз уж это так действенно.

Ёрико, статная красавица, самоотверженно тащившая на себе всю свою многочисленную родню, была до чрезвычайности легковверной, и Фусако прекрасно знала, насколько она одинока. И все же, не будь она их клиенткой, хозяйка магазина едва ли поладила бы с ней.

Но у сегодняшней Фусако, пребывающей в замедленно-благодушном состоянии, явные недостатки Ёрико вызывали лишь чувство прохладного всепрощения, как при взгляде на плавающую в аквариуме золотую рыбку.

– Скоро осень, и я подумала, что хорошим подарком могли бы стать свитера, но, поскольку это сувениры якобы с летнего кинофестиваля, мы приготовили бархатный галстук от Кардена, четырехцветную шариковую ручку «Уотерман», рубашки поло, ну а женам, пожалуйста, духи. Давайте взглянем.

– У меня на это нет времени. Хочу еще успеть перекусить. Полностью на вас полагаюсь. Главное – коробки и упаковка. Важно, чтобы все выглядело правдоподобно.

– За это можете не волноваться.

Вслед за Ёрико Касуга явилась секретарша директора складов Йокогамы, а после шли уже только обычные покупатели.

Фусако, как всегда, купила бутерброды и чай в немецкой кондитерской напротив и, вернувшись в офис, снова оказалась в одиночестве.

Подобно человеку, ныряющему в постель досмотреть прерванный сон, Фусако, повертевшись на стуле, с легкостью вернулась в позавчерашний день, на капитанский мостик «Лояна»...

В сопровождении Цукадзаки они наблюдали за разгрузкой. Спустившись на шлюпочную палубу, смотрели, как поднимают груз из четвертого трюма. Люки были сдвинуты, обнажив гигантскую темную пасть – словно земля разверзлась под ногами. Внизу человек в желтом шлеме вручную направлял лебедку, балансируя на выступе лючины.

Кое-где на дне сумеречного трюма тускло поблескивали крошечные фигурки голых до пояса портовых грузчиков. Подхваченный грузовой стрелой груз, покачиваясь, взмывал над трюмом и освещался солнцем. Солнечный свет моментально ломался на полосы, с невероятной быстротой скользившие тенями вдоль плывущего в небе груза, и вот, догнав проворное полосатое скольжение, сетка уже висит в небе над лихтером.

Мучительно долгая подготовка и мгновенный полет. Опасный серебристый блеск изношенного троса... Фусако наблюдала за всем этим из-под зонта.

Она физически ощущала, как после долгого раздумья и подготовки, раз за разом, легко подхваченный мощной стрелой, резко уносится тяжелый груз. Это чувство, когда казавшаяся неподъемной тяжесть вдруг воспаряет в небо, было ей хорошо знакомо. Вроде бы ничего особенного, и вместе с тем – чудо... «Трюм пустеет», – подумала Фусако. Наполненное безжалостным движением лебедки время казалось далеким и долгим, будто застывшим на ленивой жаре.

Кажется, именно тогда Фусако сказала:

– Спасибо, что уделили нам время. В знак признательности приглашаю вас завтра куда-нибудь на ужин, если вы свободны.

Тон ее вроде бы был сдержанным и светским, однако Цукадзаки наверняка уловил в нем намек. В его взгляде читалось искреннее удивление.

Фусако вспомнился вчерашний ужин в отеле «Нью-Гранд», тогда еще просто вежливый ужин. Он ел, как и подобает офицеру, тщательно соблюдая этикет. Потом долгая прогулка. Он сказал, что проводит ее до дома, и они дошли до парка на холме Яматэ-тё, а потом, никак не решаясь расстаться, сидели на скамье, откуда виден был весь порт. Затем долго говорили. Говорили о разном. После смерти мужа она ни разу так долго не разговаривала с мужчиной...

Глава 4

Расставшись с Фусако и условившись встретиться вечером после закрытия магазина, Рюдзи вернулся на судно, но тут же вновь вызвал такси и отправился в опустевший от палящего летнего солнца город, взобрался на холм Яматэ-тё и, не придумав ничего лучше, решил провести время во вчерашнем парке.

Днем здесь было безлюдно, фонтанчик с водой переполнился, окрасив брусчатку в черный цвет, на недавно подвязанных кипарисах стрекотали цикады, внизу с глухой тяжестью ревел порт. Рюдзи заштриховывал дневной пейзаж вчерашними ночными воспоминаниями.

Он мысленно перебирал события прошлого вечера. Заново ворошил в памяти, пробовал на вкус.

Поддев ногтем кусочек горячей папиросной бумаги в уголке рта и не смахивая пота, Рюдзи в очередной раз подумал о том, какую ахинею нес вчера.

Он и словом не обмолвился женщине о скрытых в его душе мечтах и тоске, о захватившей его, наполненной океанскими волнами гигантской темной страсти. Каждая попытка заговорить об этом заканчивалась неудачей. Может, Рюдзи порой и считал себя неудачником, но в те мгновения, когда закат над прекрасным заливом окрашивал его грудь багрянцем, он был твердо убежден в собственной избранности. Вчера он об этой убежденности не смог вымолвить ни слова.

Ему вспомнилось, как Фусако спросила:

– Почему вы не женаты?

Он с усмешкой ответил:

– Нет желающих идти за моряка.

Вообще-то, он собирался ответить так:

«У всех моих сослуживцев уже по двое, по трое детей. Моряки по многу раз перечитывают письма из дома. В письмах детские рисунки – солнышко, цветочки... Эти парни отказались от своего счастья. Ну а я пусть и не делал ничего, для того чтобы обзавестись семьей, зато жил с мыслью, что я уникален. Ведь если ты мужчина, то однажды, когда в предрассветной тьме прозвучит одинокий прозрачный горн, низко опустятся густые облака и далекий твердый голос назовет твое имя, ты оставишь все и пойдешь навстречу своей судьбе... Пока я жил с этой мыслью, мне незаметно перевалило за тридцать».

Но ничего такого он не сказал. Отчасти потому, что думал, что женщина его не поймет.

Не рассказал он ей и про свой образ идеальной любви. Он считал, что на пути к лучшей в мире женщине – той, что встречается в жизни лишь раз, – непременно стоит смерть. Именно она зовет и притягивает друг к другу ничего не подозревающих влюбленных. Со стороны это могло показаться слащавым и патетичным, но он чувствовал, как в голове его переплелись и слились воедино темная страсть неодолимого морского течения, рев налетающего из океана цунами, крушение волн, что растут все выше и выше, а потом разбиваются о скалы...

Рюдзи думал о том, что эта женщина и есть та самая, единственная. И не мог произнести этого вслух.

В своих мечтах, которыми он давно ни с кем не делился, он склонялся к крайней точке мужественности, не подозревая, что она находилась на пике женственности, и вот теперь они случайно встретились, спаянные смертью. В этой встрече не было ни тени дешевой дружбы или жалости. Они опускались на самое дно души, в гигантскую впадину, куда до сих пор не ступала нога человека.

Но... он не мог поделиться с Фусако даже толикой этих отдающих безумием мыслей. Вместо этого он сказал вот что:

– Случается, во время долгого рейса заглянешь на минутку на камбуз, мельком увидишь ботву редьки или тыквы. И она, словно нож, входит в сердце. Чего греха таить, порой вдруг поймешь, как мила тебе эта зелень...

– Да уж. Кажется, я вас понимаю, – любезно отозвалась Фусако, явно радуясь возможности подбодрить собеседника, – женщины это обожают.

Взяв у Фусако веер, Рюдзи прогнал от ног комаров. Вдали мерцали бортовые огни стоящих в море судов, внизу в правильном порядке выстроились складские фонари.

Он снова собрался было говорить о диковинной страсти, хватающей человека за горло и гонящей туда, где и смерть не страшна, но вместо этого, хотя никто не тянул его за язык, выложил свою скудную биографию и сам прищелкнул языком от досады.

Рассказал о том, как отец, чиновник районной управы в Токио, после смерти матери один растил их с сестрой. О своем образовании, оплаченном мучительными сверхурочными и без того слабого здоровьем отца. О доме, сгоревшем во время воздушного налета, о том, как в конце войны умерла от сыпного тифа младшая сестра, и о том, как после войны он окончил мореходку и вот-вот должен был встать на ноги, когда внезапно умер отец. О том, что его воспоминания о сухопутной жизни были наполнены лишь бедностью, болезнями, смертью и нескончаемым военным пожарищем. О своей полной свободе от суши... Обо всем этом он впервые подробно поведал незнакомой женщине.

В конце своей жалкой истории Рюдзи с гордостью припомнил нынешние накопления – показал себя обычным гордецом, отклонившись от рассказов о морской силе и морской щедрости, о которых так жаждал говорить еще минуту назад. В этом сполна проявилась другая, немного хвастливая, сторона его характера.

Рюдзи собирался говорить о море. Например, так:

«Только благодаря морю я понял, как важна любовь, даже если она дается ценою смерти. Когда ты заперт в железном корыте, море вокруг походит на женщину. Штиль, шторм, непостоянство и, конечно, похожая на женскую грудь морская гладь с отражающимися в ней закатными лучами. Продвигающийся по морю корабль постоянно встречает сопротивление, а несметные толщи соленой воды не годятся для утоления жажды. В то время как стихия вокруг напоминает нам женщину, реальная женщина из плоти и крови от нас всегда далека... Очень далека... Уж я-то знаю».

Но вместо такого признания с его уст слетел лишь привычный куплет:

И глядя, как родина тает вдали,
Бывалый моряк...

– Глупо, да? Моя любимая песня.

– Хорошая песня, – кивнула Фусако, а Рюдзи подумал: «Эта женщина не хочет ранить мою гордость – сделала вид, будто знает мотив, а сама явно слышит его впервые. Ей не разглядеть скрытых в песне моих чувств, моего волнения, изредка прорывающегося слезами, сумрачного дна моей мужской души. Что ж, тогда и я буду видеть в ней только плоть».

Плоть, если приглядеться, была необычайно красивой и аппетитной.

Черное кружевное платье поверх бордовой комбинации, повязанное белым шифоновым поясом ручной работы, холодно мерцающее в полумраке белое лицо. Сквозь черное кружево кармин, словно ржа, разъедал окружающее пространство, с мягким очарованием сообщая, что перед ним женщина роскошная и изящная, какой до сих пор Рюдзи не встречал.

Любое еле заметное движение вызывало колебание света ртутной лампы, и можно было почувствовать, как в складках комбинации, с быстротой калейдоскопа меняющей оттенки от бордового до пурпурного, внутри глубоких затемнений дышит другая складка. Ветерок, доносящий смесь аромата женских духов и близкой плоти, казалось, непрестанно твердил ему:

«Умри! Умри! Умри!» Кончики тонких пальцев, совершающих незаметные движения, казались Рюдзи язычками огня.

Точеный нос, чувственные губы... Как игрок в го после долгого раздумья ставит камни на доску, он черту за чертой собирал воедино в туманном полумраке ее красивое лицо и любовался им.

Отчаянно холодный, распутный, спокойный взгляд. В этом взгляде полное безразличие к миру, и в нем же, стоит заглянуть поглубже, любовь до самоотречения... Этим взглядом Рюдзи грезил со вчерашнего дня, с того самого момента, как получил приглашение на ужин. Этот взгляд лишил его сна.

И эти покатые плечи, береговой линией незаметно начинающиеся у шеи... Шелк спадал по ним, скользя.

«Когда я дотронусь до ее груди, – думал Рюдзи, – представляю, с какой тяжестью она ляжет мне в ладони. Я несу ответственность за всю ее плоть. Вся она исполнена мягкой ненавязчивой зависимости. Сладостное присутствие женщины заставляет меня трепетать. Словно ветер, выворачивающий наизнанку листья деревьев, мой трепет сообщится ей, и я увижу наконец, как закатятся от восторга ее глаза».

Внезапно в голове возникло дурацкое воспоминание. Давний рассказ капитана о том, как однажды тот побывал в Венеции и был поражен, посетив во время прилива прекрасный небольшой дворец. Мраморный пол первого этажа был полностью затоплен водой...

Он ненароком рассказал ей о нем. О прекрасном затопленном дворце.

– Расскажи еще что-нибудь, – попросила Фусако.

Рюдзи знал, что после этой фразы ему следует, ни слова не говоря, прикоснуться к ее губам. Одно касание, и вот уже движения их губ в каждом прикосновении наполнены множеством неуловимых ощущений сладкой нежности. Шершавые ладони Рюдзи наяву гладили еще совсем недавно грезившиеся ему плечи, касались шелка, кожи...

Приблизившиеся к нему длинные прямые ресницы напоминали сложенные крылья мотылька. Рюдзи думал о том, какое это сумасшедшее счастье. Такое счастье, что не знаешь, как быть. Он едва подумал о том, что подбирающееся к губам дыхание Фусако исходит из недр ее груди, как тут же жар и аромат ее вздоха поведали, что теперь оно поднимается из неизмеримых глубин ее тела. Куда жарче прежнего.

Они ощупывали друг друга, сталкивались в нетерпеливых неловких движениях, словно охваченный огнем зверь терся изнутри об их тела, требуя поскорее затушить пожар. Губы Фусако становились все более гладкими, и Рюдзи подумал, что теперь можно и умереть. Только когда он прикоснулся к ней прохладным кончиком носа, он наконец вспомнил, каково это быть отдельным существом с собственной плотью...

– Что, если сегодня тебе остаться у меня? Вон мой дом.

Рюдзи не помнил, сколько времени прошло, прежде чем Фусако указала на шиферную крышу, возвышавшуюся за дальней рощицей.

Они поднялись и оглянулись по сторонам. Рюдзи небрежно нахлобучил морскую фуражку, обнял женщину за плечи. В парке было безлюдно. То красный, то зеленый луч Морской башни⁸ вращался по кругу, скользя высоко в небе. Под маяком угадывались пустые каменные скамейки на площади, фонтанчики, клумбы и белые каменные мостики.

Он привычно взглянул на циферблат ручных часов. В тусклом свете уличных фонарей разглядел, что почти десять. До ночной вахты оставалось два часа.

Полуденный зной становился нестерпимым. Солнце катилось на запад, жгло затылок.

---

⁸ *Морская башня* (Marine Tower) – 106-метровая решетчатая башня в районе Нака-ку, г. Йокогама, служит самым высоким маяком в мире; построена в 1961 г., обзорная площадка на высоте 100 м с видом на Фудзияму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.